

Динамика модернизации в центр-периферийном измерении 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь (на примере Приморского края)¹

Анатолий Евгеньевич Савченко,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: savich21@mail.ru

Статья анализирует противоречия модернизационных процессов в России в период распада советской системы и последующих социальных трансформаций. Исследование сфокусировано на пространственной оппозиции центр-периферия. В работе показано, как модернизационные проекты, генерируемые государством, гаснут в противоречиях, порождённых социально-экономическим отставанием периферии.

Ключевые слова: центр, периферия, модернизация, государства, развитие, перестройка.

The dynamic of the modernization process in central-peripheral dimension 1985—2012: contradictions and interconnection (the Primorsky region as example).

Anatoly Savchenko, Cand. Sc. (History), Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

Contradiction of modernization processes in Russia during the collapse of the USSR and following social transformation is analyzed in the article. Our research focused on the spatial opposition between center and periphery. We tried to show as modernization processes, generated by the state, are losing its potential in result socio-economic backwardness of the periphery.

Key words: center, periphery, modernization, state, development, “perestroika”

Введение. Модернизация — это, прежде всего, целенаправленная политика государства (в виде форсированного экономического развития), имеющая целью сохранить или укрепить позиции в международной конкуренции. Социальная модернизация — это уже результат последствий экономической модернизации, её распространения «вширь» и типа правления. Социальная модернизация напрямую связана со способом удер-

¹ Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 13-01-00199 Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь.

жания власти. Такое понимание модернизации может показаться упрощённым, но оно позволяет разобраться в дискуссии о соотношении естественных и целенаправленно форсированных процессов развития и о применимости теории модернизации (теории спорной и с запятнанной репутацией [4, с. 21—28]) [8]. Теоретическая и методологическая рыхлость темы модернизации побуждает к конкретным эмпирическим исследованиям, которые впоследствии должны привести к появлению новых концептуальных построений. Тема модернизации глобальна, поэтому необходимо обоснование хронологических и пространственных рамок.

Период перестройки начался в 1985 г. с постановки задач модернизации. С подобными же задачами на политической повестке дня — её очередной юбилей: почти три десятилетия модернизационного курса позволяют подвести некоторые итоги. Однако ссылка на приближающийся юбилей — упрощение, способ отвлечься от того исторического факта, что весь советский период был, по сути, «модернизационным».

Приморский край выбран нами в качестве «кейса». Это — специфический регион, где опробованы самые разные инструменты форсированного развития: от создания свободных экономических зон до массивированных государственных инвестиций в рамках подготовки г. Владивостока к саммиту АТЭС-2012 г. Однако важнее «заземлить» абстрактные рассуждения о процессах модернизации в современной России, связав теорию и эмпирику: на месте Приморья мог быть любой регион страны. При необходимости наш анализ будет выходить за пределы избранной территории.

Проблемное поле. С 1985 г. в России произошли огромные и быстрые изменения на всех уровнях: от макроструктур до структур повседневности. Некоторые изменения — проекция общемировых тенденций. Например, сокращение расстояний благодаря развитию транспорта и связи лишь отчасти вызвано процессами, запущенными перестройкой, но в основном — быстрым формированием потребительского общества (которое, похоже, формировалось вопреки первоначальным замыслам), относительной свободой информации и передвижения. Однако эти изменения неравномерны в пространстве, их глубина и динамика зависят от того, в какой географической точке мы их рассматриваем. Жонглируя фактами и территориями, современную Россию можно представить в любом виде: и как уверенно движущееся вперёд государство, и как застрявшую в советском прошлом страну, и как деградирующее общество.

Сказанное выше перекликается с концепцией «четырёх России», сформулированной Н. Зубаревич. В её основе — критерий численности населения, с которым связаны процессы модернизации. «Первая Россия» — это крупные города с населением от 500 тыс. и выше. Её лицо определяется городами-миллионниками, где процессы модернизации наиболее активны. «Первая Россия» насчитывает 21% населения страны (только города-миллионники), 30% (города с населением от 500 тыс. чел.)

или 36% (население от 250 тыс. чел.). Основной тенденцией Н. Зубаревич считает демографический рост в крупнейших городах за счёт городов малых и сельской местности. Следовательно, процессы модернизации расширяются социально, охватывая всё больший процент населения, хотя и локализуются географически, охватывая лишь точки на российском пространстве.

Остальные три «России» — это более или менее периферийные населённые пункты: от сравнительно продвинутых промышленных городов до сельской местности и различных доиндустриальных укладов в этнических районах Кавказа и Севера [7].

При этом процессы модернизации не только не синхронны в пространстве, но часто и разнонаправлены. Выдвигается даже тезис об «архаизации» России, особенно заметной в национальных республиках и препятствующей проведению модернизационного проекта [13, с. 81].

«Россий», конечно же, больше. Помимо критерия численности населения и этнического фактора существует географический критерий: «Россия Поволжья», «Россия Урала», «Россия Кавказа», «Россия Дальнего Востока» — не менее специфичны и реальны. В каждой из них своя современность, заданная геополитическими трендами, вариантами советского развития и путями постсоветской трансформации.

Ещё один немаловажный момент: концепция «четырёх Россий» основана на противопоставлении больших и малых городов, городов и сельской местности. Мы же рассматриваем данные единицы как нечто единое, связанное нитями взаимозависимости и представленное в виде оппозиции центра и периферии. Различия центра и периферии представляют мощную детерминанту развития страны, определяющую наиболее важные социально-политические процессы, открывающую коридоры возможностей и порождающую фундаментальные вызовы. В доказательство этого подхода, «играя» пространственными масштабами, мы приведём примеры от макро- до микроуровня.

Макроуровень. Можно долго перечислять пороки централизованной системы управления, её искажающее воздействие на развитие российского общества и пространства. Однако неоспорим тот факт, что именно российское пространство, его геополитическое напряжение, неравномерное распределение его ресурсов и населения создаёт запрос на централизацию. Ключевая роль в этом вопросе принадлежит Дальнему Востоку, Северному Кавказу и территории Крайнего Севера, развитие которых напрямую связано со способностью государства концентрировать и перераспределять ресурсы.

Северный Кавказ сыграл особенно важную роль в становлении постсоветской России. Авторитарные тенденции современной политической системы имеют кавказские корни. Вспомним ключевые этапы её становления — от прихода к власти В. В. Путина до отмены губернаторских выборов, — и мы увидим, что, так или иначе, становление авторитарной

системы связано с событиями на Кавказе². Этот регион часто выступает в качестве «полигона» для испытания «технологий кризисного управления», проецируемых впоследствии на другие территории [14, с. 169]. Но и Дальний Восток рассматривается центром как объект для реализации «пилотных» проектов (прежде всего, программ экономического развития), опыт реализации которых «можно позднее использовать и при планировании программ для развития других территорий Российской Федерации» [5]. Хотя в оппозиции «центр-периферия» доминирует именно центр — задаёт правила игры, последняя часто берёт «реванш» — определяет повестку дня, навязывает политические решения и способы управления государством.

Мезоуровень. Вспомним 1990-е гг. Большую часть этого десятилетия региональные политические лидеры обладали беспрецедентным, по крайней мере, со времён смуты 1917 — нач. 1920-х гг., влиянием на общенациональном уровне.

Губернатор в своём регионе мог фактически заблокировать выполнение любого решения президента и правительства. Но как губернаторы достигали такой власти (хотя это удавалось не всем)? Основной путь — консолидация вокруг себя директорского корпуса крупнейших предприятий. Часто это были заводы военно-промышленного комплекса и градообразующие предприятия в малых городах. Сила губернатора в пределах подведомственной ему территории, как правило, определялась его взаимоотношениями с внутрирегиональной периферией, умением выступать защитником существующих структур перед реформаторской политикой центра. Неудивительно, что последняя, сталкиваясь с противостоянием регионов, теряла свою цельность и радикализм. Следствием этого противостояния становилось доминирование патрон-клиентских отношений в региональной и федеральной политике, консервация социально-экономических структур на местах и в целом поверхностность модернизационных процессов.

С этой ситуацией связан и пример микроуровня, знакомого большинству из нас. Средний житель большого города, владелец автомобиля, чей маршрут пролегает по точкам дом-работа-супермаркет-дом, оказавшись в условном периферийном городе или даже просто воспользовавшийся общественным транспортом, рискует обнаружить там «другую» Россию — более бедную, иногда более пьяную, часто агрессивную и опасную для него.

Чтобы понять, каково значение этих «разрывов» для макроуровня, достаточно вспомнить роль субпролетариата в крушении политических режимов, в том числе и советского. Именно выходцы с периферии,

² Самый яркий пример — отмена выборности губернаторов. Время для принятия нового закона неслучайно: страна была потрясена трагедией в Беслане, и публично выступать против президентских инициатив, позиционировавшихся как курс на укрепление государства, в той атмосфере считалось почти безнравственно.

которым слишком часто отведена незавидная участь маргинальных и полумаргинальных элементов в крупных городах, составляют «горючий материал» революций и этнических конфликтов [6, с. 211—218].

Мы слишком часто забываем про эту «другую» Россию — страну исчезающих посёлков и малых городов, полуразрушенных заводов, экономических укладов и ментальных структур «вчерашнего дня», — и не видим ту потенциальную роль, которую они могут сыграть в будущем страны.

Конечно, перестройка — рубеж условный, но она, а точнее логика её крушения, может рассматриваться как поворот на траекторию, по которой Россия вошла в XXI в. и продолжает двигаться до сих пор. Сегодня за фасадом демократических достижений перестройки мало кто вспоминает, что начиналась она с чисто технократических мер — как программа ускорения научно-технического прогресса. Позже к ней добавились масштабные социальные программы (например, «Жильё-2000», целью которой было обеспечение отдельной квартирой или домом каждую семью к 2000 г.).

Мы и сегодня живём среди «осколков» этой неудавшейся модернизации. В редком городе и посёлке городского типа не встретишь здания, недостроенного с конца 1980-х гг. Как правило, это промышленный или социальный объект: огромные корпуса мебельной фабрики и поликлиника во Владивостоке, поликлиника в Находке (сдана в 2012 г.), недостроенный завод судового оборудования «Ураган» в г. Партизанске (в середине 1980-х гг. предполагалось, что к 2000 г. этот город не только увеличит производство в 5,5 раз, но и превратится из города угольщиков в город машиностроителей [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 152; оп. 37. Д. 898. Л. 151]) и т.д.

В депрессивных городах и особенно в посёлках городского типа часто стоят незавершённые жилые здания перестроечного времени, буквально заросшие лесом (например, пятиэтажные дома в п. Углекаменск, г. Спасск-Дальний, в п.г.т. Кавалерово и т.д.). Есть и более плачевные примеры. С. Зелёнодольское, построенное «с нуля» в конце 1980-х гг. для рибсоводов Ханкайской долины под влиянием лозунга перестройки «поворот к социальному развитию», по проекту должно было соответствовать самым современным стандартам того времени: добротные кирпичные коттеджи, центральный водопровод и канализация, вся необходимая инфраструктура. Однако в настоящее время Зелёнодольское находится в полнейшем упадке: объекты социальной инфраструктуры разбираются на кирпичи, о центральном водопроводе напоминают лишь ржавые обрезанные трубы. Мужское население посёлка большей частью разъехалось на заработки по стране³.

Вышеприведённые примеры — это отражение социально-экономических и территориальных приоритетов модернизации времён пере-

³ Выводы сделаны на основе результатов полевой экспедиции отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в июне 2012 г.

стройки. Нематериальными её последствиями являются демократические элементы политической системы: выборность разных уровней власти, относительная свобода слова. Все вместе они символизируют неудачную попытку модернизационного наступления широким фронтом, наступления, на которое у государства не хватило ни административных, ни материальных ресурсов. О последствиях мы поговорим чуть ниже. Сейчас же коснёмся той роли, которую сыграла оппозиция центр—периферия.

Модернизация, в трактовке автора, — это всегда проект власти, амбициозная цель, изложенная на языке конкретных экономических и социальных программ. Для Приморского края это была «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». Выполнение программы признавалось «делом первостепенной политической важности», при этом её целевые показатели рассматривались «как минимальные...» [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 234].

Противоречия есть всегда, но они начинают быстро нарастать, когда объявленная модернизация не происходит, вследствие чего возникает проблема поиска властного звена, на которое будет возложена ответственность за провалы. Это исторически повторяемая ситуация: та критика, которой президент В.В. Путин регулярно подвергает правительство, а ещё чаще — губернаторский корпус, очень похожа и по форме и по содержанию на «разносы», которые устраивал М.С. Горбачёв во второй половине 1980-х гг.

Однако неудачи модернизации 1980-х гг. заключались не в консервативной позиции нижестоящих уровней власти или в неумении «работать по-новому». Причина была, скорее, в том, что Дж. Скотт назвал «высоким модернизмом»: политическая ситуация, при которой централизованная упорядоченность и управляемость на одном полюсе (в нашем случае это мнимая бюрократическая вертикаль верхних этажей государственного управления) уравнивается хаосом и неуправляемостью на другом [11].

Модернизация упиралась в чисто объективные проблемы на местах. Например, развитие рыбной промышленности в Приморье затруднялось не только из-за устаревших технологий, но из-за слабой освоенности побережья: отсутствие дорог, перерабатывающих предприятий [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 787. Л. 98]. Когда какая-либо отрасль начинала работать более напряжённо, вскрывались многочисленные «узкие места». В сельском хозяйстве — это база перерабатывающей промышленности, неразвитая система хранения продукции [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 898. Л. 27]. Подобная ситуация была и в строительной отрасли. В программа «Жильё-2000» в Приморье имелись дефицит сырьевой базы, неразвитость производств современных стройматериалов, отсутствие проектной документации, в то время как очередь на получение жилья возросла со 135 тыс. в 1985 г. до 160 тыс. к началу 1988 г. [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 901. Л. 97, 100; Д. 900. Л. 96].

Конкретный модернизационный проект рисковал оказаться звеном в непрочной цепи. Об этом свидетельствует история макаронной фабрики в пригороде Владивостока. Она начала строиться в конце 1980-х гг. с помощью швейцарской фирмы «Бюллер», но появилась масса проблем: перебои с поставкой муки, нехватка кадров, умеющих работать на современном оборудовании, отсутствие необходимого давления технологического пара из-за устаревшей котельной [12, с. 2].

В контексте сказанного можно добавить, что, например, в пищевой промышленности края примитивный ручной труд составлял примерно 80%, а в сельском хозяйстве урожайность с гектара оставалась на одном уровне с 1918 г. [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 787. Л. 101; Д. 901. Л. 138]. И вся экономика края работала в предчувствии скорой нехватки электроэнергии из-за слабого развития энергетической базы.

Эти частные зарисовки рисуют картину не только долговременности и даже исторической закоренелости современных проблем, но и какого-то «упора в потолок» всей социально-экономической системы второй половины 1980-х гг. Погоня за быстрыми изменениями на всех фронтах вела к неизбежному перенапряжению сил, в то время как конкретные проекты вязли в общей отсталости.

Советские люди в такой социально-экономической обстановке научились обеспечивать своё существование в обход официальных структур. Распространённость этого явления отразилась в масштабах теневой экономики, исчислявшейся к концу 1980-х гг. примерно в 120—130 млрд руб., или в 1/5 национального дохода СССР [1, с. 16]. В сфере обслуживания этот показатель мог достигать до 50% [9, с. 574].

Кроме того, происходило частичное возвращение к доиндустриальным укладам благодаря тому, что городские жители в большинстве своём были выходцами из деревень в первом или втором поколениях, и многие из них не порвали окончательно связи с землёй. Это выражалось в массовом обзаведении дачными участками, на которых горожане сами обеспечивали себя продовольствием. Во Владивостоке, например, в 1989—1991 гг. можно было найти огороды даже в центре города на заднем дворе многоквартирного дома, в сараях того же двора разводили цыплят. До настоящего времени сохранился частный сектор в черте и даже в центральной части многих крупных городов. Советское общество конца 1980-х гг. — во многом переходное, в котором были различимы крестьянское прошлое и индустриальное настоящее. При явном запросе на рост благосостояния оно вряд ли могло выступать субъектом модернизации.

Оставалась надежда на жёсткую вертикаль власти, которая должна была эффективно передать волевой нажим сверху и максимально задействовать неиспользованные резервы. Но советская система управления к середине 1980-х гг. оказалась без фундамента: реальная власть уже давно ушла из партийных и государственных структур к директорам, снабженцам и теневым акторам.

В 1988 г. параллельно, а во многом и в связи с провалом модернизации, в стране начинается политическая реформа и экономическая децентрализация. Эти реформы задумывались как поиск оптимального механизма управления, который бы вовлёл энергию общества в русло модернизации. Однако местная политическая элита всё больше ориентировалась на поддержку даже не общества, а региональных экономических кланов и всё меньше обращала внимание на Москву.

Неудивительно, что с рождением публичной политики в конце 1980-х гг. и политической децентрализацией региональные власти превращались не в проводников политики модернизации, а в ярых защитников существующих экономических и социальных структур на местах. Это проявилось и в Приморском крае в начале 1990-х гг., где, как и во многих регионах страны, ставленник Москвы (В.С. Кузнецов) быстро утратил власть и уступил место выходцу из директорского корпуса Е.И. Наздратенко. Будучи выходцем одного из самых удалённых городов Приморья — Дальнегорска, губернатор консолидировал вокруг себя руководство ведущих предприятий края и оставался на посту до 2001 г. Е.И. Наздратенко сумел замкнуть на себя не только материальные, но и символические ресурсы, имея политический рейтинг около 70% и позиционируя себя в качестве стратегически мыслящего губернатора-государственника, противостоящего разрушительной политике Москвы [3, с. 128].

На примере провала перестройки видно, как технологическая модернизация, натолкнувшись на объективные трудности, перетекла в политическую, а последняя привела к формированию мощной линии сопротивления модернизационному курсу в лице региональных лидеров. Этот опыт может немного «остудить» современных горячих сторонников политических преобразований в качестве первого и главного шага в модернизации России.

Справедливости ради необходимо отметить, что, отстаивая интересы директорского корпуса, губернаторы фактически защищали модернизационное наследие советского периода. В 1990 гг. под маской перехода к постиндустриальному этапу произошли разрушение индустриальной основы, маргинализация экономики и общества. Если в крупных городах остановка промышленных предприятий отчасти компенсировалась новыми социальными возможностями, то в малых городах значительная, ещё никем не измеренная часть людей «ушла» на огороды, спилась, дисквалифицировалась. Вместе с советской промышленностью, пусть и неконкурентоспособной на мировом рынке, в малых городах рухнули и структуры среднего класса. Проблемы социально-экономического развития конца 1980-х гг. не решены, но сняты отказом от курса на всеохватывающую модернизацию. Государственное руководство постсоветского периода сосредоточилось на удержании власти и институциональных преобразованиях.

Опыт перестройки тем более актуален, что в настоящее время мы находимся в похожей исторической ситуации. С одной стороны, провозглашённый курс на модернизацию и выстроенная вертикаль власти, с другой — отсутствие ярких успехов и бессилие власти на местах.

Нельзя сказать, что успехов нет вовсе. Но они сосредоточены преимущественно в сфере потребления. Если памятники перестройки — это недостроенные производственные и социальные объекты, то символом последнего десятилетия выступают преимущественно торговые центры и офисные здания, изменившие облик крупных городов.

До недавнего времени государство проводило политику точечной модернизации, концентрируя ресурсы на избранных географических направлениях, таких как подготовка г. Владивостока к саммиту АТЭС-2012 г., подготовка г. Сочи к зимней Олимпиаде 2014 г.

Модернизационный импульс владивостокских проектов достиг и некоторых периферийных приморских городов. Например, в уже упоминавшемся г. Спасск-Дальний прошёл полную реконструкцию «Спасский механический завод», который был частью «Тихоокеанской мостостроительной компании», занятой на строительстве моста через бухту «Золотой Рог». Этот завод стал крупнейшим налогоплательщиком города, но после завершения владивостокских строек объёмы производства резко снизились.

Ещё один пример: в г. Партизанск, бывшем центре угледобычи, ныне депрессивном, строительные организации в начале 2012 г. в 2,4 раза увеличили объём выполненных работ в сравнении с предыдущим годом. Это объяснялось не только изначально низким стартом, но и их работой на стройках саммита АТЭС [2]. Однако это количественный, а не качественный рост. Партизанск, «зажатый» между административным центром — Владивостоком и транспортным центром — Находкой, расположенный в стороне от автомобильной магистрали, связывающей два вышеназванных города, всё ещё не нашёл своего места в постсоветском экономическом ландшафте.

Фрагментарно проявляется модернизация и в сельской местности. С одной стороны, становится всё больше современных хозяйств, с другой — они часто не вписываются в местный социальный ландшафт. Современные сельскохозяйственные технологии позволяют обходиться минимальным числом работников, что лишний раз свидетельствует о том, что сельское население в России избыточно. Эта проблема требует иных, более масштабных мер и радикальных решений. Она вряд ли может быть решена развитием сельского хозяйства.

Сегодня можно говорить о том, что модернизация носит точечный характер, причём эти точки развиваются, в том числе и за счёт периферии, оттягивая на себя её ресурсы — не только финансовые, но и кадровые. Большинству же периферийных территорий не хватает собственного потенциала для развития. Успешные примеры модернизации, как правило,

связаны с экспансией центра на периферию. Это многоуровневая иерархия. Так, решениями, принятыми в Москве, за счёт бюджета и средств крупнейших российских корпораций развивается Владивосток, от владивостокских проектов, в свою очередь, идут импульсы к периферийным территориям Приморского края. Это пусть и неравный, но всё же взаимообмен.

Импульсы, идущие из точек модернизации на окружающую периферию, заметны, но пока неспособны качественно её изменить, как и решить фундаментальные проблемы. Впрочем, вполне возможно, что нужно больше времени, чтобы эти точки слились в целостную картину. Попытка же модернизации широким фронтом неминуемо столкнётся с объективными трудностями, порождёнными общей отсталостью социально-экономической системы периферийных территорий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3—20.
2. Анализ социально-экономического развития Партизанского городского округа по итогам 1 квартала 2012 года. С. 4. URL: http://www.partizansk.org/sites/default/files/analiz_zh_1_kv.2012.doc (дата обращения: 10.11.2013).
3. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х гг. XX в. — начало XXI в.) / 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. 292 с.
4. Валлерстайн И. Модернизация: мир праху её // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 2. С. 21—25.
5. Вступительное слово В.В. Путина на заседании Совета Безопасности 20 декабря 2006 года. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/12/20/1548_type63374type63378type82634_115648.shtml (дата обращения: 10.11.2013).
6. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миротерминной перспективе. М., 2010. 560 с.
7. Зубаревич Н. Четыре России. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii?full#cut. (дата обращения: 10.11.2013).
8. Куда пойдёт Россия: новые возможности и ограничения современного развития. Часть 1 (круглый стол журнала «Полис») // Полис. 2013. № 1. С. 32—49; Куда пойдёт Россия... Часть 2 // Полис. 2013. № 2. С. 94—107.
9. Левин М. Советский век. М., 2008. 680 с.
10. Официальный сайт Счётной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.sch.gov.ru/ru/news/04072012/>. Дата обращения: 05.07.2012.
11. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
12. Спагетти по-приморски // Утро России. Владивосток, 1991. Янв. № 3 (11).
13. Такие разные России. Часть 1 (круглый стол журнала «Полис» и сектора социальной философии Института философии РАН). Полис. 2013. № 2. С. 79—107. С. 81.
14. Хайкин С.Р., Попов Н.П. Проблемы Северного Кавказа и эффективность государственной политики в оценках местного населения // Полития. 2012. № 4 (67). С. 169—185.
15. ГАПК (Гос. архив Приморского кр.).